

Глава 12

— Благословенные земли Пути Меча?

Много лет спустя Мужун Чжоу иногда вспоминал свою первую встречу с тем человеком.

— Да! Старший брат Шэнь вернулся из мистического царства и принёс с собой благословенные земли Пути Меча! Сказал, что все ученики, и внешние, и внутренние, могут там совершенствоваться!

Щебечущая младшая сестра-ученица сегодня произносила на удивление незнакомое имя.

— Старший брат Шэнь?

— Старший брат, ты забыл? Тот самый, которого глава секты несколько лет назад сделал своим первым учеником! Он всё время был во внутреннем дворе, может, в этот раз у нас появится шанс его увидеть!

Ребёнок, который поступил в секту всего несколько лет назад, стал их старшим братом. Как смешно.

«Просто повезло с высоким талантом».

Двенадцать духовных корней Пути Меча. Будь они у него, юноша непременно стал бы сильнее того человека.

Младшая сестра-ученица хихикнула:

— Старший брат, ты самый усердный из нас, в будущем ты обязательно попадёшь во внутренний двор!

Тому подростку действительно повезло. Едва войдя в мистическое царство, он нашёл небольшие благословенные земли, где водопад низвергался с небес в глубокий омут, и каждая капля воды несла в себе ауру Пути Меча.

Мужун Чжоу сразу понял, что аура у подножия водопада была самой плотной, но внутренние ученики, пришедшие раньше него, совершенствовались лишь у берега, не приближаясь к потоку. Недолго думая, он направил свой меч прямо туда.

В следующую секунду он понял, почему там никого не было.

Одна капля, упавшая на тело, ощущалась как острый клинок, пронзающий грудь. Бесчисленные брызги под водопадом были подобны десяти тысячам стрел, пронзающим сердце, — боль, с которой не сравнилась бы и пытка тупым ножом.

И эта мука не ослабевала со временем, с каждой секундой она лишь удваивалась.

Мужун Чжоу выдержал три вдоха, едва не катаясь по земле от боли, и поспешно отступил, рухнув на траву.

Никто из присутствующих не обратил на него внимания, очевидно, они уже привыкли к подобному зрелищу, но его лицо всё равно горело от стыда. Стиснув зубы, он сел, скрестив ноги, и закрыл глаза, погружаясь в медитацию.

Другие ученики, пытавшиеся совершенствоваться под водопадом, тоже испытывали невыносимую боль и были вынуждены выбирать места поблизости, где аура была не столь концентрированной.

Лишь немногие из внутреннего двора постепенно перемещались ближе к омуту. Со временем он стал одним из них.

Юноша приходил сюда до рассвета и уходил едва ли не последним. День за днём он трудился, и даже страж благословенных земель хвалил его за усердие.

В душе он лишь усмехался. Никто из внутренних учеников не был так же трудолюбив, как он. А этот так называемый первый ученик главы секты ни разу не появился здесь для тренировок — вот каким ленивцем он был.

Так продолжалось, пока он не получил задание от секты, требовавшее долгого путешествия. Перед отъездом, не в силах смириться с поражением, Мужун Чжоу выпросил у своего наставника жемчужину, отводящую воду.

Бурный водопад вздымал туман, скрывая от посторонних глаз то, что было у его подножия. С помощью жемчужины он отгородился от водяной завесы и скрытой в ней ауры меча, что позволило ему шаг за шагом приблизиться к цели.

Он колебался, стоит ли убирать артефакт, но, оказавшись там, юноша застыл, словно его окатили ледяной водой.

Он увидел юношу в белом. Его тёмные волосы промокли насквозь. Он сидел под самым центром водопада, позволяя потоку, низвергающемуся с высоты в тысячу чжанов, обрушиваться на его тело. Невозможно было сказать, как долго он уже там медитировал.

Юноша сидел с закрытыми глазами, безмятежный и спокойный. Водяная пыль оседала на его

изысканных, утончённых чертах, делая его похожим на нефритовую статую бессмертного. Родинка у уголка глаза была словно капля туши, расплывшаяся на белоснежной бумаге.

В этот миг Мужун Чжоу едва мог дышать.

Когда он наконец пришёл в себя, пара тёмных, как обсидиан, глаз спокойно смотрела на него сквозь водяную завесу.

Юноша резко отшатнулся, но тот вдруг улыбнулся, и его глаза с родинкой игриво моргнули.

Он спросил:

— Ты мой старший брат?

Холодный ветер пронёсся по тёмной долине. Мужун Чжоу вдыхал запах окровавленного рукава, и перед его глазами вновь предстал образ подростка с мокрыми тёмными волосами под водопадом.

— Старший брат! Ты в порядке?

— В порядке, благодаря твоему телепортационному артефакту... Тот человек — просто мразь! Надо же быть таким жестоким!

Оскорбления резко оборвались. Се Фэн с ужасом обнаружил, что перед ними появился мечник в белых одеждах.

Бессмертный из высшей провинции холодно взглянул на них и бросил:

— Что произошло?

Се Фэн немедленно, приукрашивая детали, выложил всё, что случилось в пещере. Он надеялся, что мастер заступится за него, и всячески старался угодить. Заметив на рукояти меча бессмертного обрывок окровавленной ткани, он, недолго думая, достал из своего мешка для хранения нефритовую подвеску на шёлковом шнурке.

— Бессмертный, ваша кисть на мече испачкалась. У меня как раз есть подвеска из нефрита высшего качества...

Говоря это, он почтительно протянул руку, и кончики его пальцев коснулись обрывка рукава.

В следующую секунду Се Фэн почувствовал холод между бровями, леденящий ужас пронзил его с головы до пят, и зрачки застыли.

Это была воля меча.

— Муравей из низшей провинции, как ты смеешь касаться моих вещей.

Младший брат Се Фэна, словно поражённый громом, замер на месте. Лишь через несколько секунд он, пошатываясь, упал на колени, обнимая безжизненное тело.

Всего лишь муравей, что с того, если его стереть с лица земли.

До того, как он в глубине мистического царства направил свой меч на того заклинателя-талисманщика на стадии Создания Основы, Мужун Чжоу думал именно так.

Напротив него тот ничтожный заклинатель-талисманщик вдруг тихо рассмеялся, и от одной этой улыбки Мужун Чжоу на мгновение потерял дар речи.

Похож... и не похож.

Лицо Мужун Чжоу резко потемнело.

— Ты ещё смеешь подражать ему!

«О чём он там бормочет на своём отвратительном языке?»

Цан Шунь уставился на окровавленный обрывок рукава, развевающийся на рукояти меча. Его глаза стали холодными, как застывший омут, и он шагнул вперёд, а под его лапами вспыхнули молнии.

— Тебе не нужно вмешиваться, — сказал Шэнь Моцин.

Цан Шунь обернулся.

«А если он мне не нравится, и я всё равно хочу вмешаться?»

Шэнь Моцин спокойно встретил его демонический взгляд.

— Тогда я не буду с тобой разговаривать.

«...»

Прекрасный демон-зверь, чья шкура отливала серебристым инеем, молча улёгся у каменной стены.

Через две секунды он ещё и фыркнул.

Его нисколько не задели эти угрозы.

Шэнь Моцин провёл рукой по воздуху, и бесчисленные руны, притягивая звёздный свет, создали закрытый барьер.

Мужун Чжоу позволил барьеру полностью изолировать их от внешнего мира, лишь презрительно хмыкнув:

— Сам себя в ловушку загнал.

Изначально он действительно собирался оставить этого ничтожного заклинателя-талисманщика в живых, но теперь он хотел его смерти.

Шэнь Моцин разжал свои длинные пальцы.

— Нападай.

В глубине тёмной пещеры холодный блеск разорвал мрак, словно падающая звезда.

Воля меча уровня Зарождающейся Души!

Покрытый инеем клинок уверенно завис в ладони заклинателя в чёрном. Острейший луч света пробежал по лезвию, концентрируясь на его кончике. Тонкий, как лёд, клинок отразил пару спокойных, безмятежных глаз.

Когда Мужун Чжоу увидел это, выражение его лица резко изменилось.

— Кто ты... Кто ты такой?!

— Терять самообладание перед боем... Таково твоё сердце меча? — спустя много дней Шэнь Моцин снова поднял клинок, направляя его на своего бывшего друга и брата по секте. — Нападай.

Мужун Чжоу резко отступил.

«Старший брат, могу я попросить у тебя совета в искусстве меча?»

В тот день он впервые набрался смелости и окликнул его.

Вокруг раздались тихие смешки — это внутренние ученики смеялись над его наивностью. Когда его лицо уже начало гореть от стыда, он увидел, как тот остановился, слетел с облаков, и полы его одежд взметнулись, словно крылья журавля.

Ветер откинул пряди тёмных волос, открыв его изысканные черты.

«Нападай».

— ...Невозможно, абсолютно невозможно!

Рука Мужун Чжоу, сжимавшая меч, мелко дрожала. Он опустил голову, и в его сузившихся зрачках отразился окровавленный обрывок рукава с узором из облаков и журавлиных перьев, готовых взмыть в небо.

— Муравей, ты смеешь смущать моё сердце Дао! Умри!

Бесчисленные клинки взмыли в воздух, создавая грандиозное и ослепительное зрелище.

Цан Шунь скучающе зевнул, положив голову на скрещённые лапы.

Столько лет прошло, а эти мечники всё так же любят вычурные, лишённые сути приёмы.

Он лениво перевёл взгляд.

Молодой заклинатель-талисманщик стоял с мечом в руке, кончики его волос развевались на ветру. Один-единственный клинок, сияющий, как морозная луна, восходящая в долгой ночи.

Вот это красиво.

Тысячи клинков Мужун Чжоу, словно метеоритный дождь, создали непроницаемую сеть, но Шэнь Моцин стоял неподвижно и нанёс один удар.

Свет меча был холоден. Пространство, словно лист бумаги, разрезанный ледяным лезвием, раскололось надвое морозной трещиной!

Один меч сокрушает десять тысяч техник!

Бесчисленные клинки мгновенно рассыпались в прах. Противник отлетел назад, ударился о каменную стену и выплюнул полный рот крови.

Как такое возможно?!

Даже если это была воля меча стадии Зарождающейся Души среднего уровня, она не исходила от самого заклинателя этого уровня, а значит, её мощь должна быть ослаблена. Как он мог проиграть?!

Пальцы, покрытые вздувшимися венами, впились в стену, выламывая кусок камня. Мужун Чжоу стёр кровь с губ, поднял меч перед собой и медленно провёл по лезвию.

Клинок разделился на тысячи, затем на десятки тысяч. Куда ни глянь, всё было заполнено морем острых лезвий, разрывающих каждый цунь пространства.

Это был его коронный приём под названием «Рождение прилива в безбрежном море». Рано или поздно он превзойдёт Массив Десяти тысяч явлений того человека!

Мужун Чжоу направил меч в небо, и его голос пронзил море клинков, прозвучав твёрдо и уверенно:

— Ты можешь гордиться, что дожил до этого приёма. Запомни, тот, кто убьёт тебя, — Мужун Чжоу из секты Тяньшу!

Шэнь Моцин услышал внезапный смех у себя за спиной — безжалостный и насмешливый. Он молча обернулся и встретился с дразнящим взглядом Императора-демона.

«И это люди из твоей секты? Ты раньше, случайно, тоже не... ха-ха-ха!»

— Вяленой рыбки больше не будет, — сказал Шэнь Моцин.

Смех резко оборвался, словно его и не было.

Император-демон молча уселся на место и медленно вильнул хвостом.

Море клинков уже обрушивалось на него, но Шэнь Моцин, не уклоняясь и не защищаясь, нанёс удар.

Меч опустился, и мириады клинков пали!

Духовное сознание Мужун Чжоу содрогнулось от сокрушительного удара. Кровь хлынула изо рта, а в его бурлящем духовном море прозвучал спокойный, безразличный голос:

— Лишь форма, лишённая сути. Твой путь меча ничуть не продвинулся.

Ладонь стала липкой, меч едва не выскользнул из рук. Мужун Чжоу не обратил внимания на эти слова, слыша лишь грохот собственного сердца.

Эта воля меча... в его руках она раскрыла всю свою мощь! Словно он и был её истинным хозяином!

Нет, нет... как он мог быть доведён до такого состояния каким-то заклинателем на стадии Создания Основы?!

Он резко поднял искажённое яростью лицо.

— Ты просто полагаешься на волю меча уровня Зарождающейся Души! Без неё ты — ничто!

В отличие от его крика, голос Шэнь Моцина был подобен льду в застывшем пруду — чистый и безмятежный.

— Разве в секте тебя не учили, что в битве не на жизнь, а на смерть нужно использовать всё, на что можно опереться?

— Например, это место и это время.

Меч выскользнул из его рук и завис рядом. Длинные пальцы вновь начертали талисман.

Аура Пути Талисманов окутала его тело! В этот миг в мистическом царстве сами небеса и земля были на его стороне!

Гром грянул с небес, сотрясая всё вокруг!

Ослепительные молнии разорвали в клочья всё поле зрения, превращаясь в безбрежное море грома, подавляющее всё живое.

Зрачки Мужун Чжоу дрогнули. Огни секты в ту ночь были такими же яркими и ослепительными, как это море молний.

«Когда он вернётся, заведи его к вратам. Тогда великая формация секты активируется. Ты также можешь заранее ранить его, чтобы ослабить его боевую мощь».

«...Старейшина?»

«Когда дело будет сделано, тебя зачислят в ученики внутреннего двора».

«Я исполню волю секты!»

— Ты не можешь убить меня! Если я умру, светильник моей души в секте погаснет, и моя секта тебя не отпустит! В Девяти тысячах провинций для тебя не останется места, тебя сотрут в порошок!

Лёгкая усмешка Шэнь Моцина заставила лицо врага вмиг стать пепельно-серым.

— Как ты думаешь, для чего я создал этот барьер?

Он прочёл множество трактатов о талисманах в Павильоне Тысячи Тайн и получил наставления от старшего Синъюня, что позволило ему создать талисман, способный изолировать от неба и земли и скрыть жизненную силу. Смерть внутри этого барьера подобна гибели подёнки в безбрежном океане — она не оставит и следа.

Одинокая смерть, о которой не узнает и светильник души в секте.

Мужун Чжоу сорвался с места и побежал, развив самую высокую скорость в своей жизни.

Страх сжимал сердце, тяжёлое дыхание срывалось. Смертный приговор навис над его головой, заставляя волосы вставать дыбом, а руки и ноги леденеть и неметь.

Неожиданно он вспомнил, что несколько лет назад был такой же день...

Он был окружён демонами, на грани смерти, и метался, как обезумевший, но не мог найти путь к спасению. Пока с небес не обрушился ослепительный удар меча.

Некто одним ударом прорвал окружение и встал перед ним. В кровавом зареве, в кольце демонов, его фигура была острой и прямой, полы его одежд развевались на ветру, а на подоле был вышит узор из журавлиных перьев, словно одинокий, изысканный белый журавль расправил крылья.

Тогда он крикнул:

— Старший брат, спаси меня!

Меч пронзил его сердце. В застывших зрачках застыло не успевшее угаснуть отчаяние.

Заклинатель на начальной стадии Зарождающейся Души — убит!

Останки его тела были уничтожены молниями, не оставив и следа. Даже мешок для хранения был уничтожен вместе с ним, все следы были стёрты.

Цан Шунь тербил окровавленный обрывок рукава, глядя на молодого заклинателя, который спокойно стоял на месте, без печали и радости. Его глаза были подобны тёмному омуту, в котором не отражался небесный свет.

Покрытый инеем клинок в его пальцах превратился в маленький меч и стремительно улетел.

Это была лишь воля меча, принявшая форму клинка, а не настоящий меч.

Даже если бы он сейчас мог держать меч, он не смог бы сражаться им.

Длинный тонкий хвост обвился вокруг него сзади и легонько коснулся его запястья. Шэнь Моцин обернулся и протянул руку к Цан Шуню, который подошёл к нему широким шагом.

Цан Шунь склонил голову.

«Что такое?»

Шэнь Моцин вытащил свой обрывок рукава из его лапы, палец за пальцем, и сжёг его.

Цан Шунь: «...»

Император-демон снова принялся молча тереться о него своей пушистой головой, невзначай поглядывая на его свисающий широкий рукав и время от времени пытаясь потрогать его лапой.

Шэнь Моцин погладил прижавшуюся к его груди пушистую голову.

— Пойдём.

Мгновение спустя.

В мёртвой тишине пещеры полупрозрачный дух с трудом поднялся на ноги.

Мужун Чжоу с искажённым лицом холодно усмехнулся.

«Вот же муравьи из низшей провинции. Они и не знают, что заклинатель уровня Зарождающейся Души уже превзошёл телесную оболочку. Даже если тело уничтожено, пока жив дух, можно возродиться!»

Тот Шэнь Моцин был уничтожен четырьмя ударами меча главы секты, и его дух был развеян. Но он, он может начать всё сначала!

Прозрачный дух стремительно рванулся наружу. Как только он выберется, он сообщит секте!

«Пусть все умрут! Пусть сгинут вместе с тем человеком, без души и духа, без права на перерождение!»

Мужун Чжоу беззвучно усмехнулся, но его улыбка застыла, не успев достигнуть ушей.

Перед ним, в полумраке пещеры, зажглась пара тёмных, безмятежных глаз, спокойно взиравших на него сверху вниз.

Он ждал его.

В расширившихся от ужаса зрачках Мужун Чжоу за спиной молодого заклинателя возникла огромная, как гора, тень демона-зверя. Его пылающие демонические глаза горели, как факелы.

— ...Нет! Нет!

Отчаянный крик растянулся, эхом пронёсся по тёмной пещере и вскоре утонул в настоящей, мёртвой тишине.

Маленький камешек, подхваченный ветром, тихо покатился из пещеры и упал в пропасть.

Лёгкий ветерок пронёсся по серой долине. Шэнь Моцин поднял глаза, глядя на небесный свет, затем повернул голову. Император-демон рядом с ним смачно хрустел.

— Так вкусно?

«Обычно».

«Не то чтобы очень нравится».

И продолжил хрустеть.

Шэнь Моцин шагнул вперёд. Огромный демон-зверь превратился в пушистый комок и ловко запрыгнул ему на голову, устроившись в тёмных волосах, пахнущих лёгким ароматом.

Шэнь Моцин почувствовал, как это мягкое белое сахарное пирожное ёрзает у него на голове, выбирая удобное место, и спокойно сказал:

— Не ешь там.

Белый зверёк посмотрел на оставшуюся в его лапке половинку вяленой рыбки, проглотил её одним махом, наложил на себя очищающее заклинание, став совершенно чистым, и улёгся, свернувшись в пушистый блинчик.

Затем он услышал приятный, спокойный голос:

— Кстати, что ты хотел мне сказать раньше?

Когда появился Мужун Чжоу, казалось, у этого Императора-демона были какие-то незаконченные слова.

Цан Шунь: «...»

Пушистый шарик завертел головой, делая вид, что ничего не произошло, и встряхнул шерсткой.

Шэнь Моцин поднял руку, дотянулся до макушки и ткнул пальцем в этот мягкий белый комочек.

Через две секунды.

Белый зверёк как ни в чём не бывало достал небольшой мешочек с пирожными с османтусом.

И пушисто зарылся в него головой.

Шэнь Моцин: «...?»

<http://bllate.org/book/13480/1689638>